

УДК 340.5

ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО (МЕДИАЦИЯ) В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ

Александр В. Даньшин¹.@

¹ Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, 650992, г. Кемерово, пр-т Кузнецкий, 39

@danschin.garant2013@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.08.2017. Принята к печати 17.10.2017.

Ключевые слова: традиционный Китай, социальное посредничество, медиация, «незначительные вопросы».

Аннотация: Главной целью статьи является исследование взаимоотношений институтов социального посредничества и государственных органов традиционного Китая в процессе регулирования гражданско-правовых споров. Вопреки прямому указанию закона, предписывающего судьям лично заниматься имущественными спорами частных лиц (т. е. «незначительными делами»), они считали возможным вмешиваться в конфликт лишь тогда, когда были исчерпаны все возможные способы медиации. Желание истца обратиться сразу в суд могло быть остановлено решением судьи о переводе гражданского дела в разряд уголовного, перспектива которого грозила истцу серьёзными неблагоприятными последствиями. Если же дело рассматривал судья, то основой его решения был, как правило, не закон, а на конфуцианский принцип «жэнь» (человеколюбие). Руководствуясь этим принципом, суд мог принять решение в пользу должника, даже если вина его перед кредитором была очевидной. Кроме этого, основным способом наказания должника были палочные удары, которые не могли гарантировать выполнения им своих обязательств. В связи с этим большинство жителей Поднебесной, независимо от их сословной принадлежности, в суды по гражданским спорам предпочитали не обращаться. Наиболее перспективной для них формой являлся институт социального посредничества (медиации), важными звеньями которого были сельские старосты (цилао) и сельские полицейские (тибао), «благородные (совершенные) мужья» (цзюньцзы) и представители «учёного сословия» (шэньши) и др. Государственный контроль над посреднической деятельностью этих лиц осуществлялся с помощью системы коллективной ответственности баоцзя, а также сямбао, который избирался членами общины и утверждался местным судьёй. Развивая древние народные традиции, институт медиации в современном Китае на законодательном уровне признан важной формой регулирования гражданско-правовых отношений, существующей в виде народного, коммерческого, административного и трудового посредничества, основной целью которого, как и в древности, является социальная гармония и стабильность в стране.

Для цитирования: Даньшин А. В. Государство и социальное посредничество (медиация) в традиционном Китае // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 72–77. DOI:10.21603/2542-1840-2017-3-72-77.

Укрепление мировой экономической интеграции, происходящее в современном мире, требует поиска наиболее эффективных путей разрешения имущественных споров, в том числе без прямого участия государства в этом процессе. По этой причине изучение исторического опыта различных стран по использованию институтов социального посредничества при улаживании конфликтов частноправового характера, является одним из актуальных направлений современных научных исследований. Известно, что практика медиации была распространена в древнем Вавилоне, древней Греции и Риме, поощрялась правителями стран арабского Востока, считавшими её «в определённых случаях более желанным, чем вынесение приговора» [1, с. 167]. Социальное посредничество широко применялось также в Новгородской республике, где существовали особые лица, называемые рядцами, главной задачей которых было примирение сторон и заключение между ними по гражданско-правовым спорам особого «мирового» или «докончального» ряда (договора), не предусматривающего возможность его дальнейшего

опротестования в суде. По российскому законодательству начала XIX в., местные власти, при рассмотрении имущественных споров удельных крестьян, обязаны были склонять их к мировому соглашению, направляя дело в вышестоящую инстанцию только в случае невозможности примирения сторон. В соответствии с Уставом судопроизводства в коммерческих судах 1832 г., где порядку разбирательства через посредников была посвящена отдельная глава, судья не мог вынести своего решения, не предложив предварительно сторонам заключить мировое соглашение. Подобные нормы существовали в то время во многих странах Старого и Нового света [2].

Традиции посредничества в Китае уходят своими корнями ещё к III в. до н. э., становясь обычной практикой уже к началу первой «китайской коммерческой революции», которую связывают с периодом правления династии Сун (960–1279 гг.) [3, р. 6]. Однако к этим проблемам российские учёные специально ещё не обращались. В то же время изучение многовекового опыта Китая по использо-

ванию негосударственных институтов укрепления социальной стабильности могло бы объяснить некоторые причины стремительного взлёта экономики страны, позволившего ей за несколько десятилетий выйти на самые передовые рубежи в мировом экономическом пространстве.

Современное китаеведение представлено тремя основными концепциями развития института социального посредничества в традиционном Китае. Одну из них можно назвать концепцией «дидактического примирения», автором которой является японский синолог Сига Сюцзо, который считал, что власти в традиционном Китае при возникновении гражданско-правовых споров выступали чаще всего лишь в качестве своеобразного посредника между конфликтующими сторонами, считая своей главной задачей побуждение их к примирению, и поэтому судебные решения по таким делам были очень редким явлением. Если же судьи принимали гражданские иски к своему рассмотрению, то действовали они подобно родителям, поучающим детей моральным принципам [4, р. 4]. В тех же случаях, когда выносилось судебное решение, то опиралось оно, как правило, не на закон, а на правовую доктрину, в основе которой заложена идея «человеческого сострадания», вытекающая из базового конфуцианского принципа «жэнь» (仁 — человеколюбие, гуманность) [5, р. 329]. Судья, руководствуясь этой доктриной, мог, например, учитывая сложное материальное положение должника, принять решение в его пользу, даже если вина перед кредитором была очевидной.

Соглашаясь с Сига Сюцзо в том, что судебные решения принимались в большинстве случаев на основе традиций или правовых доктрин, американский исследователь китайского происхождения Филип Хуань в своих многочисленных трудах доказывает, что гражданско-правовые иски в императорском Китае практически всегда заканчивались судебными решениями, а судьи почти никогда не выступали в качестве посредников, призывающих стороны к примирению. Из более чем двухсот гражданских дел цинского периода, изученных им в архивах трёх китайских провинций, только в 5 % из них судьи предложили сторонам примирение, остальные же завершились судебными решениями [4, р. 4]. Главной задачей судьи было, по мнению Ф. Хуаня, нахождение компромисса между правовыми нормами и судебной практикой, основанными на конфуцианских принципах. Эти принципы, которыми пропитано законодательство традиционного Китая, получили, например, своё юридическое воплощение в норме, содержащейся во всех древних китайских кодексах о том, что «нельзя делать то, чего не полагалось делать» [6, с. 13]. Универсальный характер этого положения позволял судье ссылаться на него, когда в кодексе не было прямого указания на то, какое решение следовало принять как в уголовном, так и гражданском деле. Неотъемлемой частью теории Ф. Хуаня является его концепция «третьей сферы правосудия». Первой «неофициальной сферой» были органы общественного самоуправления, которые являлись обязательной инстанцией по рассмотрению исков гражданско-правового характера, и большинство споров, по его мнению, завершалось именно на этом этапе. Только в том случае, если посредничество на этом уровне терпело неудачу, можно было обращаться в местную администрацию (*ямэнь* 衙門), являющуюся второй —

«официальной сферой». Вопрос о примирении на этом этапе не стоял, и чиновники *ямэней*, принимая решение, всегда руководствовались законодательством, хотя и редко на него ссылались. «Третьей сферой правосудия» Ф. Хуань называет промежуточный этап между двумя первыми, когда участники спора, не прекращая своего участия в примирительных процедурах, обращались в суд, побуждая ответчика к прекращению конфликта ещё до вынесения судебного решения, которое для обеих сторон могло оказаться более обременительным, чем результат внесудебного разбирательства.

Институт социального посредничества при рассмотрении гражданских споров является центральным звеном «концепции баланса» японского исследователя Мио Кисимото, которая убеждена, что посредничество допускалось лишь во внесудебной сфере. Хотя китайские судьи, по её мнению, использовали кодекс в качестве основного источника права, они, как правило, принимали сторону «общепринятых ожиданий», стараясь «уравновесить чувство гуманности и конкретные обстоятельства» с установленными государством формально-юридическими нормами [7]. Положения кодекса не являлись, для них препятствием для того, чтобы восторжествовала справедливость, как она понималась тогда в обществе. Например в «Законах Великой династии Мин» устанавливается уголовная ответственность в отношении тех, «[кто собственную] жену... за деньги закладывает либо сдаёт внаём другим лицам в качестве жены» [8, с. 130], однако, если причиной этого явилось сложное материальное положение семьи, судьи редко применяли эту норму, предпочитая обращение к практике примирительных процедур. В тех же случаях, когда материальное положение мужа было «исключительно бедственным», он освобождался от уголовной ответственности и сделка признавалась действительной [7].

Отмечая научную основательность и оригинальность концепций Сига Сюцзо, Мио Кисимото и Филипа Хуаня, остаётся ряд проблем, которые требуют отдельного внимания при исследовании институтов социального посредничества в традиционном Китае, среди которых — юридические коллизии, возникающие между государственными и общественными структурами в процессе регулирования имущественных споров частноправового характера. Одним из примеров такой коллизии является то, что вопреки прямому указанию закона, предписывающего судьям лично заниматься «незначительными делами» [9, р. 258–259], они нередко, особенно если сторонами конфликта были родственники, передавали гражданские иски на рассмотрение посредников. Мотив, которым руководствовались при этом судьи, заключался, по мнению известного цинского юриста Ван Хуэйцзу, в том, что «проигравшая сторона будет постоянно питать злобу, и обе стороны останутся враждебными друг к другу в течение долгого времени, в отличие от сердечного решения, которое может быть достигнуто через посредничество друзей или семьи» [10, р. 205–206]. Чтобы такие решения не вызвали вопросов у вышестоящих инстанций, судьи всегда находили правовые основания для отказа в рассмотрении гражданских дел, среди которых могло быть отсутствие необходимых документов или несоответствие действительности сведений, содержащихся в исковом заявлении. В последнем случае судья мог такое дело перевести в разряд уго-

ловного, что грозило истцу серьёзными последствиями, перспектива которых могла заставить его отозвать своё заявление. Даже если у сторон конфликта не было оснований опасаться перевода гражданского дела в уголовное, один только факт принятия судом иска к своему рассмотрению побуждал их к возобновлению внесудебных примирительных процедур с участием посредников [9, р. 273–274], поскольку судебное разбирательство сопровождалось большой бюрократической волокитой, что требовало много времени и материальных затрат.

Судебная практика в традиционном Китае всегда отделяла уголовные дела от гражданско-правовых, официально называя последние «незначительными вопросами» (*сунши* 細事) [11, р. 2], решением которых должны были заниматься семья или клан, а также различные институты социального посредничества, что связано было с представлением конфуцианства об идеальном государстве, в котором, в отличие от варварских обществ, всегда должна существовать социальная гармония, и не должно быть никаких личных тяжб [5, р. 318, 327]. Если же споры по поводу наследства, земельной собственности, неисполнения имущественных обязательств и др. всё же возникают, то их должны улаживать сами конфликтующие стороны, обращаясь в случае необходимости к различным общественным структурам, основной задачей которых было социальное примирение. И только в том случае, если примирение не достигнуто, роль арбитра должно было взять на себя государство. Это закреплялось, например, в Кодексе династии Мин (1368–1644 гг.), который в качестве обязательного условия обращения в суд с имущественными исками установил предварительное рассмотрение их органами социального посредничества [5, р. 332].

В Китае существовало немало общественных структур, которым государство делегировала полномочия в решении споров по «незначительным вопросам». Важным звеном в этой системе были сельские старосты (*цилао*) и сельские полицейские (*тибао*), избравшиеся местным населением из самых уважаемых и авторитетных старейшин клана. Их авторитет подкреплялся наличием учёной степени сюцай (*шюцай* 秀才), что позволяло им также претендовать на какую-либо государственную должность. Даже в том случае, если обладатель учёной степени так никогда и не становился чиновником, и не занимал никакой общественной должности, в сознании простых людей он олицетворялся с «благородным (совершенным) мужем» (*цзюньцзы* 君子), который больше всего в жизни боялся потерять репутацию членов своей общины [12, с. 187], заслуженно считавших его частью привилегированного «учёного сословия» шэньши (*шэньши* 紳士). Пользуясь огромным авторитетом, сравнимым подчас с авторитетом чиновников местных ямэнь, сельские шэньши помогали односельчанам в составлении различных договоров, ходатайств или судебных исков, защищали в судах их интересы в качестве своеобразных адвокатов (так называемых «обманщиков тяжб») [13], являлись поручителями или посредниками в гражданских делах. К примеру, они выступали в роли чжунжэнь, подписи которых при заключении различных гражданско-правовых сделок были обязательными и являлись серьёзной гарантией исполнения договорных обязательств.

Несмотря на официальную политику государства вмешиваться в имущественные споры частных лиц лишь в

том случае, если исчерпаны все возможные способы социального посредничества, власть никогда не оставляла эти споры без своего контроля, создав систему коллективной ответственности баоцзя (保甲), охватывавшая все сельские районы страны. Основанная на иерархическом принципе «перевернутой пирамиды», внизу которой было объединение их десяти, а наверху тысячи семей, она предназначалась для тотального государственного контроля над населением всей страны, позволяя эффективно контролировать поступление налогов, разыскивать преступников, а также обеспечивать исполнение решений судей и общественных посредников.

Ещё одним связующим звеном между институтами социального и государственного посредничества являлась общественная должность сяньбао, который избирался членами общины и утверждался местным судьёй. Под началом сяньбао находились около двадцати сёл, где он не только осуществлял посредническую деятельность в гражданских спорах, но, по поручению судьи, собирал необходимые по уголовному или гражданскому делу материалы, а также занимался поиском и принудительной доставкой ответчиков в суд. Результатом его действий могла быть приостановка судьёй судебного разбирательства, если выяснялось, что иск вполне мог быть разрешён на уровне одного из множества институтов социального посредничества.

Впрочем, сами жители Поднебесной, независимо от их сословной принадлежности, несмотря на то, что судебные издержки по гражданским делам не были особо обременительными, в суды предпочитали не обращаться. Подсчёт количества истцов по гражданским делам в нескольких местных судах цинской империи показывает, что, например, купцов в их числе было не более 7% [4, р. 4]. Казалось бы, купцы, чья профессиональная деятельность постоянно связана с материальными рисками, должны были чаще других обращаться за судебной защитой своих имущественных интересов. Однако они видели, что судьи, исходя из конфуцианских представлений о справедливости, гуманности и социальной гармонии, всегда были настроены на поиск компромисса и примирение сторон, что в вопросах взыскания долга, никак не могло их устроить [14, с. 44]. Анализ протоколов судебных разбирательств показывает, что судьи удовлетворяли имущественные иски в лучшем случае лишь на две третьих, даже если требования кредиторов были обоснованы, а в ходе судебного заседания полностью подтверждены [15, р. 99–102, 107], иллюстрируя купцам древнюю китайскую поговорку: «Выигранный процесс – потерянные деньги». Кроме этого, существующие в традиционном Китае кодексы имели ярко выраженный уголовно-правовой характер и предусматривали для должника чаще всего лишь телесные наказания от 10 до 100 ударов бамбуковыми палками [6, с. 26–278, с. 187–188]. В случаях задержки выплат по крупным ссудам на срок более ста дней, ст. 398 кодекса «Тан люй шу и» устанавливала один год каторжных работ [6, с. 27], а цинское законодательство – тюремное заключение «до тех пор, пока кредитор не получит полного удовлетворения» [16, с. 302]. Попытки властей установить за неисполнение гражданско-правовых обязательств, помимо уголовной, и гражданско-правовую ответственность, не увенчались успехом, поскольку господствовав-

шая тогда конфуцианская правовая доктрина предписывало вставать на сторону тех, кто попал в сложное материальное положение, любое ухудшение которого третьими лицами считалось нарушением принципа «человеческого сострадания». Лишь законодательные акты периода Тан (618–907 гг.) разрешили налагать арест на имущество должника, но последующие династии от этого отказались [17, с. 8–9]. Поскольку палочные удары, являвшиеся в течение многих веков основным способом наказания должника, не могли гарантировать выполнения им своих обязательств, в народе стала популярной пословица: «Выигранный процесс – потерянные деньги».

Глубоко укоренившееся в сознании жителей Поднебесной отношение к социальному посредничеству как более эффективному способу разрешения гражданско-правовых споров, было сохранено на протяжении многих поколений и стало «одним из самых поразительных аспектов китайских обычаев, одной из отличительных особенностей китайской (и жителей восточной Азии) юридической тра-

диции, когда, сталкиваясь со спором, первым выбором большинства китайцев становится обращение к посредничеству» [18, р. 11]. В современном Китае институт медиации является официально признанной и широко используемой на практике альтернативной формой решения различных споров, существующей в виде народного, коммерческого, административного и трудового посредничества, что нашло отражение в ряде законодательных актов Китайской Народной Республики [19]. В ст. 1 Закона КНР «О посредничестве», принятом в 2010 г. подчёркивается, что этот закон принят для того, «чтобы усовершенствовать систему народного посредничества при урегулировании споров между людьми и сохранения социальной гармонии и стабильности» [20], что говорит о стремлении руководства современного Китая поддерживать и развивать древние народные традиции в области регулирования гражданско-правовых отношений.

Литература

1. Фастова М. А. Историко-теоретические основы посредничества как общеправового института // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3-1(41). С. 165–170.
2. История развития медиации в России // Медиатор. Внесудебные процедуры – Альтернативное урегулирование споров – примирение сторон. Режим доступа: <http://mosmediator.narod.ru//index/0-2318> (дата обращения: 22.08.2017).
3. Clark H. R. Community, Trade, and Networks: Southern Fujian Province from the Third to the Thirteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 266 p.
4. Huan Ph. C. C. Chinese Civil Justice, Past and Present. Lanham – Boulder – New York – Toronto – Plymouth (UK), 2010. 297 p.
5. Chan P. C.-H. The Enigma of Civil Justice in Imperial China: A Legal Historical Enquiry // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2012. Vol. 19. № 2. P. 317–337.
6. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 26–30 / пер и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. 408 с.
7. Sommer M. H. The Adjudication of Wife-Selling in Qing County Courts: 220 Cases from Ba, Nanbu, and Baodi Counties. Режим доступа: <http://proj1.sinica.edu.tw/~leghist/word/13su.pdf> (дата обращения: 22.08.2017).
8. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). В 2 ч. Ч. 2 / пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература, 2002. 408 с.
9. Huan Ph. C. C. Between Informal Mediation and Formal Adjudication: The Third Realm of Qing Civil Justice // Modern China. 1993. Vol. 19. № 3. P. 251–298.
10. Huan Ph. C. C. Civil Justice in China. Representation and Practice in the Qing. Stanford: Stanford University Press, 1996. 288 p.
11. Bernhardt K., Huang Ph. C. C. Civil Law in Qing and Republican China: The Issues / Civil Law in Qing and Republican China. Stanford, 1994. P. 1–12.
12. Кузнецова Е. В. Источники формирования китайского менталитета // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1-1. С. 187–190.
13. Henderson D. F., Torbert P. M. Traditional Contract Law in Japan and China. Режим доступа: <http://www.lfip.org/lawe506/documents/torbert.pdf> (дата обращения: 28.08.2017).
14. Даньшин А. В. Институт медиации в традиционном Китае (X–XIX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-2. С. 42–46.
15. Brockman R. H. Commercial Contract Law in Late Nineteenth-Century Taiwan // Essays on China's Legal Tradition. Princeton (New Jersey), 1980. P. 76–135.
16. Алабастер Е. Заметки и комментарии на китайское уголовное право, составленные Е. Алабастером по материалам, собранным сэром Чалонер Алабастером, бывшим генеральным консулом в Китае / пер. с англ. А. Д. Дабовского. Владивосток, 1903. 310 с.
17. Niida Noboru. A Study of Chinese Legal History. Vol. 2. Law and Custom, Law and Morality: A Summary / 中国法制史研究. 第二卷. 东京, 1961. 页 1-11.
18. The History and Theory of Legal Practice in China: Toward a Historical-Social Jurisprudence / ed. by Ph. C. Huang, K. Bernhardt. Los Angeles – Leiden (Netherlands) – Boston: Brill, 2014. 440 p.
19. Русакова Е. П. Особенности процедуры посредничества в Китае // Правозащитник. 2016. № 2. Режим доступа: <http://pravozashitnik.net/2/2016> (дата обращения: 24.08.2017).
20. О посредничестве. Закон КНР. Приказ Председателя КНР No. 34 // Бизнес в Китае: информационно-политический портал. 20.08.2010. Режим доступа: <http://asia-business.ru/law/law3/agent/> (дата обращения: 25.08.2017).

THE STATE AND SOCIAL INTERMEDIATION (MEDIATION) IN TRADITIONAL CHINA

Aleksandr V. Dan'shin¹,@

¹ Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992

@ danschin.garant2013@yandex.ru

Received 25.08.2017. Accepted 17.10.2017.

Keywords: traditional China, social intermediation, mediation, «minor issues».

Abstract: The main aim of the article is to study the relationship of the institutions of social intermediation and state bodies in traditional China in the process of regulation of civil legal disputes. The law instructed judges to deal with property disputes of private individuals in person (i. e. «minor issues»); however, they thought it possible to intervene in a conflict only when all possible ways of mediation had been exhausted. The intention of the plaintiff to apply to the court immediately could be stopped by the judge's decision to transfer the civil case into a criminal one, which would threaten the plaintiff with serious adverse consequences. If the case was considered by the judge, his decisions, as a rule, were based on the Confucian principle of «ren» (humanity) and not law. Guided by this principle, the court could decide in favor of the debtor, even if his guilt was obvious before the creditor. In addition, the main method of punishment of the debtor was furtigation, which could not guarantee the performance of his obligations. In this regard, most Chinese citizens, regardless of their social status, preferred to refrain from applying to court with their civil cases. The most promising variant for them was the institute of social intermediation (mediation), represented by village headmen (ts'ilao) and rural police (t'ipao), «noble (perfect) men» (chüntzu) and representatives of the «scientific order» (shênshih), etc. State control over their brokerage activities was carried out through a system of collective responsibility paochia, and the hsiangpao, who was elected by community members and approved by the local judge. Developing ancient folk traditions, the institute of mediation at the legislative level in contemporary China is recognized as an important form of regulation of civil legal relations, existing in the form of national, commercial, administrative and labor intermediation, the main purpose of which, as in ancient times, is social harmony and stability in the country.

For citation: Dan'shin A. V. Gosudarstvo i sotsial'noe posrednichestvo (mediatsiia) v traditsionnom Kitae [The State and Social Intermediation (Mediation) in Traditional China]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 3 (2017): 72–77. DOI:10.21603/2542-1840-2017-3-72-77.

References

1. Fastova M. A. Istoriko-teoreticheskie osnovy posrednichestva kak obshchepravovogo instituta [Historical and theoretical bases of mediation as a legal Institute]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of Art*, no. 3 (41) (2014): 165–170.
2. Istoriia razvitiia mediatsii v Rossii [The History of the development of Mediation in Russia]. *Mediator. Vnesudebnye protsedury – Al'ternativnoe uregulirovanie sporov – primirenje storon* [Mediator. Extrajudicial procedures – Alternative settlement of disputes – reconciliation of the parties]. Available at: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2318> (accessed 22.08.2017).
3. Clark H. R. *Community, Trade, and Networks: Southern Fujian Province from the Third to the Thirteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 266.
4. Huan Ph. C. C. *Chinese Civil Justice, Past and Present*. Lanham – Boulder – New York – Toronto – Plymouth (UK), 2010, 297.
5. Chan P. C.-H. The Enigma of Civil Justice in Imperial China: A Legal Historical Enquiry. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 19, no. 2 (2012): 317–337.
6. *Ugolovnye ustanovleniia Tan s raz'iasneniiami («Tan liui shu i») [The criminal establishment of the Tang with the explanation]*. Juan 26–30. Transl. Rybakov V. M. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008, 408.
7. Sommer M. H. *The Adjudication of Wife-Selling in Qing County Courts: 220 Cases from Ba, Nanbu, and Baodi Counties*. Available at: <http://proj1.sinica.edu.tw/~leghist/word/13su.pdf> (accessed 22.08.2017).
8. *Zakony Velikoi dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovlenii (Da Min liui tszi tsze fu li) [The laws of the Great Ming the consolidated review and the application of regulations (Da Ming lü ji fu li)]*. Trans. Svistunova N. P. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002, 408.
9. Huan Ph. C. C. Between Informal Mediation and Formal Adjudication: The Third Realm of Qing Civil Justice. *Modern China*, 19, no. 3 (1993): 251–298.

10. Huan Ph. C. C. *Civil Justice in China. Representation and Practice in the Qing*. Stanford: Stanford University Press, 1996, 288.
11. Bernhardt K., Huang Ph. C. C. Civil Law in Qing and Republican China: The Issues. *Civil Law in Qing and Republican China*. Stanford, 1994, 1–12.
12. Kuznetsova E. V. Istochniki formirovaniia kitaiskogo mentaliteta [Sources of formation of Chinese mentality]. *Bulletin of Kemerovo state University*, no. 1-1 (2014): 187–190.
13. Henderson D. F., Torbert P. M. *Traditional Contract Law in Japan and China*. Available at: <http://www.lfip.org/lawe506/documents/torbert.pdf> (accessed 22.08.2017).
14. Dan'shin A. V. Institut mediatsii v traditsionnom Kitae (X–XIX vv.) [Mediation in traditional China (X–XIX centuries)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of theory and practice*, no. 12-2 (2014): 42–46.
15. Brockman R. H. *Commercial Contract Law in Late Nineteenth-Century Taiwan. Essays on China's Legal Tradition*. Princeton (New Jersey), 1980, 76–135.
16. Alabaster E. *Zametki i kommentarii na kitaiskoe ugovnoe pravo, sostavlennye Alabasterom E. po materialam, sobrannym serom Chaloner Alabasterom, byvshim general'nym konsulom v Kitae* [Notes and commentaries on Chinese criminal law by Alabaster E. with the materials collected by sir Chaloner Alabaster, a former Consul General in China]. Transl. Dabovsky A. D. Vladivostok, 1903, 310.
17. Niida Noboru. *A Study of Chinese Legal History. Vol. 2. Law and Custom, Law and Morality: A Summary* / 中国法制史研究. 第二卷. 东京, 1961. 页 1-11.
18. *The History and Theory of Legal Practice in China: Toward a Historical-Social Jurisprudence*. Ed. Huang Ph. C., Bernhardt K. Los Angeles – Leiden (Netherlands) – Boston: Brill, 2014, 440.
19. Rusakova E. P. Osobennosti protsedury posrednichestva v Kitae [Features of Institute of mediation in China]. *Pravozashchitnik = Human Rights Activist*, no. 2 (2016). Available at: <http://pravozashitnik.net/2/2016> (accessed 24.08.2017).
20. *O posrednichestve* [On Mediation]. Law of the People's Republic of China. Order of the Chairperson of the People's Republic of China No. 34. 20.08.2010. Available at: <http://asia-business.ru/law/law3/agent/> (accessed 25.08.2017).